

Сваха Хуа не просто рассыпалась в похвалах принесенным подаркам, она до небес превознесла Сян Фэна и Юнь Лэ, не забыв даже родителей Юнь Лэ. Сразу видно человека, который много лет промышляет сватовством, — язык у нее был подвешен что надо.

Когда она закончила, в главной комнате воцарилась тишина. Даже сельчане, до этого шушукавшиеся во дворе, притихли. Взглянув на подарки снова, они увидели их в ином свете. Оказалось, что в каждой вещице скрыт глубокий смысл и доброе предзнаменование. Это было не просто пять-шесть лянов серебра, а проявление глубокого уважения к будущему супругу и надежда на счастливый брак.

Супруги Юнь Маошань и Чжоу-ши переглянулись, и в глазах друг у друга они прочли полное удовлетворение. Однако брак — это не сделка, которую совершают за один раз. Удастся ли ему состояться, зависело от желания самого Юнь Лэ.

Сваха Хуа, наговорившись вдоволь, почувствовала сухость в горле, присела и отпила чаю, глазами подав знак Сян Фэну, чтобы тот начинал. Обычно при сватовстве все вопросы решают старшие, а младшим и слова не дают молвить. Но случай Сян Фэна был особым: из родных у него никого не осталось, и за свое счастье ему приходилось бороться самому.

— Дядюшка Юнь, тетушка Чжоу, я знаю, что пришел свататься внезапно, да еще и в такое время. Вы можете подумать, что я воспользовался ситуацией и пришел намеренно, — начал он.

— Я также знаю, что не умею красиво говорить, и не знаю, какие слова подобрать, чтобы вы могли со спокойным сердцем отдать мне Лэ-гэра, — Сян Фэн стоял прямо, словно сосна, его взгляд был открыт и честен под пристальным присмотром Юнь Маошаня и Чжоу-ши. Голос его звучал низко, но отчетливо: — Но я, Сян Фэн, здесь, перед небом, землей и вами двумя даю слово: если Лэ-гэр согласится стать моим мужем, я в этой жизни никогда его не подведу.

Он сделал паузу, словно подбирая слова, а затем продолжил, четко выговаривая каждое из них:

— Я знаю, что слова ничего не стоят. Прежде чем вы дадите согласие, вы можете подвергнуть меня любым испытаниям. Проверьте, надежен ли я, чиста ли моя репутация, смогу ли я прокормить семью. Будь то тяжелая работа или что-то другое — прикажете, и я исполню без лишних слов.

Его взгляд скользнул по подаркам на столе, и тон стал еще решительнее:

— Сегодня я принес эти дары от чистого сердца, чтобы просить руки вашего сына, а не как на торг. Будь то успех или отказ — я, Сян Фэн, ни за что не потребую их обратно! Если все сложится — это будет свадебным даром. Если нет — пусть это будет моим извинением за то, что побеспокоил вас и Лэ-гэра. Прошу вас, непременно примите их.

В этих словах не было сладкоречия свахи Хуа, зато в них сквозила солдатская прямота и

твёрдость обещания, что лишь добавляло им искренности.

В комнате снова стало тихо. Даже деревенские зеваки прониклись уважением. Этот парень из военных, хоть и не мастер красноречия, каждое слово подтверждал делом. Особенно фраза о том, что даже в случае отказа подарки останутся у семьи Юнь, требовала огромной уверенности и честности. По сути, он отрезал себе путь к отступлению, полностью полагаясь на волю семьи Юнь.

Выражение лица Юнь Маошаня окончательно смягчилось, а Чжоу-ши одобрительно кивнула, глядя на Сян Фэна с теплотой. Раз он решился на такие слова, значит, этот парень — человек ответственный, умеющий держать слово.

Хоть супруги остались довольны, они, следуя обычаям, попросили Сян Фэна вернуться домой и ждать вестей: если Лэ-гэр согласится, ему сообщат, чтобы он пришел для обмена брачными грамотами.

Когда Сян Фэн и сваха Хуа ушли, а сельчане разошлись, старики Юнь вернулись в комнату и посмотрели на подарки, сияя от радости. Независимо от того, согласится Юнь Лэ или нет, поступок Сян Фэна сегодня очень поднял авторитет их сына: мало того, что дары были богатыми, так он еще и сваху Хуа пригласил!

Юнь Лэ, прячась в своей комнате, слышал всё сватовство от начала до конца, и улыбка не сходила с его лица. Когда мать позвала его, глаза его светились радостью. Чжоу Ваньхуэй, увидев сына, сразу поняла: он доволен. Впервые за три попытки сватовства Юнь Лэ улыбался так искренне.

Войдя в комнату, он сразу бросился к столу и взял серебряную шпильку, лежавшую на красной ткани. Шпилька была не только тонкой работы, но и имела крошечную подвеску в форме облачка, которая при каждом движении забавно покачивалась.

— Матушка, смотри, это же облачко!

Чжоу Ваньхуэй давно заметила эту деталь и именно по ней поняла, сколько души вложил Сян Фэн в подарок. Найти серебряную шпильку с подвеской, да еще и в форме облака, было непросто — скорее всего, он заказал ее у мастера специально.

Видя, как радуется Юнь Лэ, она поняла, что свадьбе быть, но по привычке все же спросила его мнения. Юнь Лэ замялся, начал переминыться с ноги на ногу и пробормотал, что во всем полагается на матушку. Поняв его настрой, Чжоу Ваньхуэй не стала торопиться с ответом — нужно было соблюсти приличия.

Весть о том, что Сян Фэн пришел в дом Юнь с щедрыми дарами, разлетелась по деревне Шуйсю, словно ветер. Все твердили, что Юнь Лэ родился под счастливой звездой — женихи один другого лучше. И пусть не всё шло гладко, каждый шаг лишь повышал его ценность в

глазах людей. Особенно всех поразила фраза Сян Фэна о том, что в случае отказа он не заберет подарки обратно. Даже Ман-гэр дразнил Юнь Лэ этими словами, отчего тот краснел до самых ушей.

— Значит, он? — Ман-гэр, только что рассмотрев шпильку, вернул ее Юнь Лэ и спросил.

Юнь Лэ, непривычно смущаясь, ответил:

— А что еще остается? Он ведь уже все сказал. Если отказаться, люди подумают, что мы корыстные. Да и матушка с отцом остались довольны. Даже старший брат и дедушка с бабушкой говорят, что он хороший, так что мне и возражать смысла нет!

Ман-гэр, видя его состояние, понял, что тот и сам согласен, и со смехом поддразнил его:

— Ой-ой-ой, я же тебя знаю! Если бы не хотел, уже бы всю комнату слезами залил!

Юнь Лэ, пойманный на месте, сердито толкнул его в бок.

— Но это хорошо. Выйдешь за Сян Фэна — останешься в деревне, недалеко от дома. Родителям спокойнее будет.

Юнь Лэ кивнул. Он ведь и сам выбрал Сян Фэна отчасти из-за этого. Если Сян Фэн вдруг решит его обидеть, достаточно будет крикнуть — и вся деревня сбежится, чтобы проучить его!

— Дату уже назначили? — спросил Ман-гэр.

— Еще нет. Отец с матерью хотят подольше меня дома подержать, наверняка будут тянуть время. Но он уже не мальчик, так что долго ждать вряд ли придется.

Пока два юноши втихаря шептались в комнате, Чжоу Ваньхуэй вернулась с улицы, узнав благоприятные даты. Она попросила Юнь Чжу сходить к Сян Фэну и позвать его обсудить день свадьбы.

Услышав предложенные даты, Сян Фэн, не раздумывая, выбрал двадцать второе число девятого месяца. Так Юнь Лэ мог спокойно встретить праздник Середины осени дома, а сам Сян Фэн успел бы собрать урожай, чтобы, переступив порог их общего дома, Лэ-гэр сразу попробовал свежего риса.

Чжоу Ваньхуэй эта дата тоже пришлась по душе: ей было жаль расставаться с сыном, которого она вырастила, и хотелось, чтобы он побыл дома подольше.

Все остались довольны. Сян Фэну велели идти домой и готовиться, а если возникнут трудности — обращаться за помощью.

Вместе с новостью о свадьбе Юнь Лэ пришло время сбора урожая озимой пшеницы.

<http://bllate.org/book/21456/2193331>